

выискания, чтобы установить те пути и средства, которые дадут возможность больным окончательно избавиться от этого далеко не безразличного паразита.

Литература: 1) Bach. Arch. f. Schiffs- und Tropenhygiene, 1924, Bd 28.—2) Wetzler. Arch. f. Verdauungskr., 1927, Bd, XL.—3) Гартъе. Простейшие животные в кишечнике детей. СПб. 1908.—4) Grassi и Шевяков. Z. f. wissenschaft. Zoologie, 1888, Bd 46.—5) Jollous. Handbuch der pathogen. Mikroorganismen V. Kollé und Wassermann, 1913.—6) Cade и Levine, Pr. médic., 1925, № 45.—7) Кёрте. Болезни желчных путей, 1930.—8) Kollé и Hetsch. Эксперим. бактериология и инфек. бол., 1912.—9) Крюков. Кл. мед., 1929, № 23—24.—10) Кузнецова. Терап. арх., 1924, вып. 5—6.—11) Luger. W. kl. Woch., 1917, № 52.—12) Moritz и Hölzl. M. m. W.,—1892, № 47.—13) Павловский. Руководство к практической паразитологии человека, 1924.—14) Пермякова и Ланде, Врач. газ., 1927, № 16.—15) Petzetakis. Pr. médic., 1925, № 19.—16) Schilli, D. m. W., 1928, № 32.—17) Руфанов. Кл. мед., 1929, № 23—24.—18) Teitge. Kl. Woch., 1929, № 25.—19) Тржецкий. Русск. арх. патолог., 1896.—20) Fixier и Denis, Pr. médic. 1928, № 15.—21) Якимов, Василевская и Цветкова. Рус. врач, 1917, № 10.

Дрезденская гигиеническая выставка 1930 г.¹⁾

Проф. М. М. Гран.

Международная Гигиеническая выставка 1930 года в Дрездене сама по себе является крупным фактом в медицинской и санитарной летописи минувшего года; для Советского Союза она получает особый интерес, поскольку наш Союз на ней экспонировал и занимал очень видное место. Наркомпрос и Наркомздрав делегировали на эту выставку значительную группу профессоров, молодых научных сотрудников и врачей—и уже это обязывает бывших на выставке дать отчетную характеристику последней. (В числе 12-ти лиц, командированных от Наркомпроса РСФСР по Казани, были проф. М. М. Гран и доцент С. М. Шварц). Но, помимо того, итоги выставки в целом и выступление Советского Союза, расценка выставки и нашего советского выступления на ней заслуживают серьезного внимания широких советских общественных кругов и в первую очередь медицинских.

Прежде всего к истории Дрезденской выставки необходимо отметить, что в истории Международных гигиенических выставок Германии принадлежит почетное место; ей принадлежит идея специальных *Международных гигиенических выставок*; она впервые осуществила эту идею в 1911 году в том же Дрездене; на этой выставке также экспонировала Россия, но Россия царская, самодержавная. Как отмечается в русском каталоге Дрезденской гигиенической выставки 1911 года «Россия первую из иностранных государств отозвалась на призыв принять участие на выставке», причем отозвалась очень активно постройкой своего собственного павильона (правительственным комиссаром был проф. В. В. Подвысоцкий). Павильон был выстроен в древне-русском стиле по мотивам Московского Кремля (по проекту петербургского академика проф. В. А. Покровского); символически возглавляла павильон, как отмечает отчет, «величественная статуя «Россия»—работы русского скульптора Ю. Н. Сквирыской. Козыряла на выставке царская Россия «земской медициной», всеми скорпионами преследовавшая «крамольное земство». «Земская медицина» была «гвоздем» Дрезденской выставки 1911 года; тогда Земская медицина действительно фиксировала на себе исключительное внимание Западной Европы. На Дрезденской выставке 1930 года—через 20 лет—Россия уже явилась в виде «Союза Советских Социалистических Республик (Union der Socialistischen Sowjet-Republiken)» на «удивление и страх врагам»; «гвоздем» выставки была уже не земская, а Советская, социалистическая медицина. Эта историческая справка уместна и многопоучительна, обязывающая нас фиксировать особенное внимание на Дрезденской гигиенической выставке 1930 года.

Но все же обращаем внимание на основную нашу историческую справку, что Германии нужно отдать должное: ей принадлежит первое место в истории

¹⁾ Доложено в научной конференции Кафедры социальной гигиены 23 февраля 1931 года.

Международных гигиенических выставок. Причина этого кроется в том, что Германия в то время занимала первое место в инструментально-медицинской промышленности всей Европы; ей было что «показать» всему миру, блеснуть перед всем миром своей медицинской промышленностью, а заодно и поднять свою торговлю медицинским снабжением; стоило затратить крупную сумму на выставку: она вернулась с лихвой. Такая «материалистическая» расценка Дрезденской выставки 1911 года документируется второй исторической справкой: фактическим инициатором Дрезденской выставки 1911 года был «великий медицинский промышленник» Карл-Август Лингнер, с именем которого связана выставка 1911 и 1930 года; с его именем связан ныне знаменитый «Немецкий гигиенический музей» Дрездена; капитал Лингнера и его фирмы положен в основание Дрезденской выставки и 1911, и 1930 года. Об этом музее речь будет ниже. Надо отметить, что 100 страниц большого каталога Дрезденской выставки 1930 года дают интересный и убедительный материал, подтверждающий, что «материалистическая» база всех немецких выставок: Дрезденских, знаменитой Дюссельдорфской,—это индустрия. Капитал, которым она питается, и все научные и социал-гигиенические успехи являются лишь надстройками, богатыми орнаментами, украшающими это большое сооружение.

Однако, подойдем ближе к Дрезденской гигиенической выставке 1930 года. Из числа 12 лиц, командированных Наркомпросом РСФСР, группа в 6 человек (т.т. проф. М. М. Гран, доцент С. Шварц из Казани, аспиранты Бравая, Крикман, Майстрах, Мирский—из Москвы) организовались в «бригаду» и совершили поездку совместно, взяв вторую половину июля и первую половину августа; поездка носила характер организованной экскурсии, причем на выставку пало относительно небольшое время 8 дней; остальное время было использовано на Берлин, Гамбург, а двум молодым товарищам (т.т. Шварц и Мирский) удалось также посетить Дортмунд и Вюрцбург (знаменитые Институты физиологии труда и профпатологии Аттлера и Лемана); в Берлине «бригада» задержалась на 5 дней, успела ознакомиться с некоторыми социал-гигиеническими учреждениями (Гигиеническим институтом проф. Ганна, кафедрой Гротьяна), а главным образом, благодаря исключительной любезности и товарищескому вниманию д-ра Шминке, успела близко ознакомиться с медико-санитарной организацией Нейкёльна, одной из пролетарских частей г. Берлина; этой части нашей экскурсии стоило бы посвятить особое внимание, но мы ее здесь касаться не будем.

Подходя к Дрезденской выставке 1930 года, мы отметим прежде всего, что мы от нее ожидали, помимо нашего напряженного интереса к Советскому павильону выставки. Мы ожидали нового социального подхода к выставочному делу вообще—по крайней мере в научном разрезе. На наш взгляд минувшие 20 лет после Дрезденской выставки 1911 года к этому обязывали. За эти 20 лет над Европой разразилась мировая империалистическая война, похитившая около 10 миллионов человеческих жизней; экономика Европы потерпела потрясающие катастрофы; социальный состав и физическое состояние населения резко изменились; монументальное здание капитализма оказалось все в зияющих трещинах; сама Германия, по утверждению проф. Адольфа Тилля—Дрезденского государственного профессионального врача-инспектора,—потеряла страну, капитал и работу (Deutschland verlor Land... Kapital... und Arbeit...)¹⁾, он же дает грозные данные о пережитом и наличном «кризисе человека» со всеми его биологическими и хозяйственно-экономическими предпосылками. За этот же период пережита великая революция не только Россией, надломившая весь социальный строй Европы, всю ее социальную биологию; за это время коренным образом перекроена политическая, географическая, экономическая, социально-биологическая карта Европы... Нам казалось, что отражение всего этого в социально-гигиеническом разрезе мы найдем на «Международной дрезденской гигиенической выставке».

Здесь мы потерпели полное, 100% разочарование. Никакого отражения политической, экономической и социально-биологической катастрофы пережитого периода мы на выставке не нашли: ни тени, ни намека; судя по выставке, все в этой области обстоит благополучно; мир и Германия полны всяких научных, технических и санитарно-технических достижений.

¹⁾ См. его статью «Mensch und Wirtschaft» в каталоге «Internationale Hygiene-Ausstellung. Dresden 1930», стр. 62, 64—65.

В этом, на наш взгляд, основной дефект Дрезденской выставки 1930 года.

На наш взгляд пора бы внести революции в международно-выставочное дело вообще, и может быть Германии—специалистке этого дела—надлежало бы взять на себя почин, хотя бы потому, что она—«потерявшая страну, капитал и работу»—добавим и «человека» в биологическом и хозяйственно-экономическом смысле—испытала на своей спине последствия периода минувших 20 лет. Пора отказаться от общепринятого стандарта выставочного дела по лозунгу: «Ура патриотизм! Вот наши достижения!». Пора отказаться от стандартного типа «показательных» выставок, обязательно с «успехами и достижениями».

Боюсь, что наш совет окажется мало приемлемым по объективно-материалистическим причинам: ведь мотив организации выставок в капиталистическом строе: интересы промышленности и торговли!

При всем том, выставка представляла большой и поучительный интерес, особенно для нас советских научных работников и врачей, в положительной и отрицательной ее расценке в научном и социально-политическом разрезе.

Прежде всего о «международном» характере выставки. Понятно, при современной международно-политической ситуации вообще и Германии в частности—«международность» Дрезденской гигиенической выставки была весьма относительной. Налицо были все великие и малые державы «мира»: Северо-Американские Штаты, Аргентина, Мексика, Япония, Англия, Франция, Италия, Австрия, Испания, Норвегия, Швеция, Дания, Юго-Славия, Литва, Нидерланды, Румыния, Чехо-Словакия, Турция, Лига Наций, как «объединительница» Европы. Германия, естественно, была представлена наиболее полно и широко-разветвленно. Но международность точно отражала «концерт» мировых держав. Великие Северо-Американские Штаты экспонировали одну большую молочную ферму в большом макете, и «гвоздем» экспоната являлась искусственная корова, которая должна была мотать головой, позвякивать великолепным колоколом на шее, двигать хвостом, но, к посрамлению американской техники, всего этого не делала вследствие порчи механизма. Такое позорное экспонирование великой Америки слухи и молва приписывали «дипломатическому» *qui pro quo*: по слухам Америка прислала 7 вагонов экспонатов, много очень интересных материалов—особенно по страхованию жизни, но всего этого выставка вместить не могла; первый вскрытый вагон дал знаменитую молочную ферму и корову, остальные, яко бы, вернулись в Америку.

Франция экспонировала для сохранения «политического равновесия», по фигурировала главным образом Институтом Пастера, а большую часть своего павильона переуступила Юго-Славии. Англия (Великая Британия—*Grossbritannien*) скромно экспонировала небольшую коллекцию из медицинского Лондонского музея, посвященную Листеру и Дженнеру; отражена английская система охраны материнства и младенчества; эпизодично отражена борьба с холерой в Индии. Италия была картинно представлена Городскими управлениями Генуи и Милана, национальной оперой (!!) Рима и Об-вом защиты от несчастных случаев в том же Риме, но экспонировал фактически лишь научно-промышленный *Istituto bacteriologico de Chill*, *Instituto medico-technico Sanitas* выпячено производство «Bioelement'a вода, которое удовлетворяет по показаниям экспонентов едва ли не 80% мировой потребности. Австрия—единственная страна, которая старалась с наибольшей добросовестностью и полнотой отразить социальное страхование рабочих, деятельность больничных касс; экспонаты были посвящены почти только этому отделу; здесь можно было видеть большие достижения самодеятельности рабочих организаций—и эти экспонаты дали много интересного и поучительного. Швейцария вновь показала свои знаменитые туберкулезные санатории в Лейзене (*Rollier*) и Давосе.

Швеция, Норвегия и Дания показали свои научные завоевания в крупных центрах. Нидерланды дали много интересного материала по тропической медицине и гигиене. Юго-Славия—через центральный Гигиенический институт в Белграде—старалась отразить всю свою медико-санитарную организацию. Маленькая Литва старалась о том же. Румыния об этом особенно старалась, видимо потратив значительные средства на красивое и уютное оборудование своего павильона; Бухарестский «Социологический институт» (директор проф. Густы) подчеркивал, что 80% населения страны—крестьяне, организовал даже уютно и богато обставленный «дом крестьянина»—понятно богатого кулака в строго «национальном» разрезе. Чехо-Словакия старалась показать организацию здравоохранения, коммунальную гигиену и санитарии, борьбу с инфекционными заболеваниями, социальное

обеспечение, но особенно широко развернула свое курортное дело. Польша «дипломатически» отсутствовала на выставке.

Турция—в ее молодом республиканском облике—выявила у нас особый интерес; мы хотели почерпнуть материал для санитарной характеристики и научно-медицинских достижений мусульманского населения для некоторых сопоставлений с Татарской, но, к сожалению, мы не нашли сколько-нибудь достаточных материалов. Павильон был прекрасно декорирован, имел интересную художественную часть. Экспонировано Ангорское Министерство гигиены и Ангоры, просветительного отдела (Propaganda-Abteilung) министерства Гигиены, Обществ борьбы с туберкулезом в Смирне и Стамбуле, Об-ва борьбы с алкоголизмом, Об-ва «Красного полумесяца» (Красного креста). Освещался материал прежде всего инфекционных и паразитарных болезней (малярия, сифилис, туберкулез, трахома, чума, лепра, из инфекционных—оспа, дифтерия, скарлатина, сыпной тиф и друг.); освещались отделы охраны материнства и младенчества, водоснабжение, питание, жилище, одежда, школьное дело, алкоголизм. Но весь материал, весь павильон вместе взятый не давал санитарного облика Турции, своеобразия страны, его национальных и социально-экономических особенностей, его прошлого и настоящего, социально-биологических особенностей населения. Мы не нашли, например, картины и анализа состава населения, его физического состояния, движения населения, положения женщины и матери (между прочим, отдел охраны материнства и младенчества отражает лишь питание грудных детей); не отражены такие специфические отделы социальной патологии Турции, как злоупотребление опиумом. Большое число экспонатов популярно-стандартного характера, к тому же приготовленных в Дрезденском гигиеническом музее. Социально-гигиенического облика Турции в павильоне Турции мы, к сожалению, не нашли.

Немецкая евангелическая врачебная миссия (таковая имеет специальный врачебный институт в Тюбингене) экспонировала деятельность 20 своих организаций. Они дали весьма интересный материал к характеристике своей деятельности в Африке, Индии, Китае; они характеризовали жестокую детскую смертность этих стран, жестокое опустошение населения от тропических болезней; они подчеркивали власть некультурности, невежества, знахарства, демонизма, естественно подчеркивая свою высокую культуртрегерскую миссионерскую роль. В общем в этом отделе выставки чувствовалась вся сила великого похода Европы на далекий колониальный фронт для завоевания колониальных стран и народов с оружием религии, креста и патентованных медицинских средств немецкой промышленности.

Нам остается кратко сказать об организации, возглавляющей международный гигиенический фронт—Лиге Наций (Hygieneorganisation des Völkerbundes). Эта гигиеническая организация громко именует себя «международной рабочей организацией» (Die internationale Arbeitsorganisation). Она представляет собой союз 55 государств. Этой организации на выставке, естественно, было отведено почетное место в центре всех международных павильонов с большой площадью пола и стен. Лига Наций старалась отразить две свои задачи: дать международный статистический учет основных заразно-эпидемических заболеваний (чума, холера, желтая лихорадка, оспа и сыпной тиф) и показать свою деятельность в области международной охраны труда. Это отражалось в ряде больших стенных картограмм и диаграмм, начертательных и световых, в ряде моделей. Экспонаты были внешне эффектные, но в общем мало убедительны; статистически фигурировали по преимуществу абсолютные цифры; сводки международных законодательных усилий по линии охраны здоровья и труда были также весьма мало убедительны.

Однако, едва ли не 80% площади выставки было заполнено экспонатами Германии. Еще раз приходится подчеркнуть, что Германия, исходя из промышленных интересов, высоко специализировалась в области выставочного дела вообще, медицинского—в частности. Об этом свидетельствуют Гигиенические выставки 1911 года, Дюссельдорфская выставка 1927 года, Берлинская выставка питания 1929 года; в связи с этим музейно-выставочное дело в Германии также достигло высокой степени совершенства; Мюнхенский санитарно-технический музей, стоивший громадных средств, затраченных после войны—является образцово-показательным мировым музеем; ныне Дрезденский гигиенический музей сделался таким вторым показательным центром.

Этот Дрезденский гигиенический музей и явился гвоздем выставки 1930 года. К открытию выставки на ее площади было выстроено специальное фундаментальное богатое здание, которое строилось в течение 1927—1930 гг. Кубатура этого здания равняется 128.000 куб. метров, полезная площадь пола 22.000 кв. метр. В этом здании собраны богатые музейные ценности. Эмбрион этого музея зарождался еще к выставке 1911 года в виде знаменитой коллекции «Человек» («Der Mensch»), явившейся гвоздем выставки 1911 года. Инициатива и средства к зарождению музея, как было отмечено, принадлежали знаменитому Карлу Лингнеру.

Ныне, в новом здании, в центре 2-го этажа его памяти посвящен особый зал. Немцы ныне по справедливости гордятся этим учреждением; они расценивают музей, как мировое начинание «для воспитания народа» в области его физического оздоровления. И действительно, в смысле научной популяризации здравоохранения вряд ли другие государства имеют что-либо подобное; немцы показывали здесь чудеса научной техники, изобретательности, неутомимой энергии; временами кажется, что затраченные средства и усилия не соответствуют поставленной цели; мы не привыкли на популяризацию затрачивать такие средства. Но в основе этот богатый музей все же не столько научный, сколько популяризаторский, хотя наука и техника—особенно в отделе «Человек»—здесь использована ad maximum. Ныне в музее отделов 16: «человек», «женщина, как супруга и мать», «наследственность и евгеника», «гигиеническое воспитание», «питание, здоровье и болезни», «туберкулез», «венерические заболевания», «заразные болезни», «злокачественные опухоли», «животные паразиты», «история медицины» и друг; каждый отдел развит в деталях, во главе каждого отдела—лучшие специалисты. Но все же, повторяем, этот музей по преимуществу научно-популяризаторский. Ныне он сделался мировой лабораторией для создания подобных малых музеев и на той же выставке можно было наблюдать творчество этого музея для ряда стран.

Естественно, органы здравоохранения Германии приняли на выставке самое широкое участие: имперские органы здравоохранения в 6 больших залах дали исторически-культурный обзор здравоохранения Германии за 100 лет; особо экспонировали союзные части Германии: Пруссия, Саксония, Бавария, Тюрингия; отдельно экспонировали крупные немецкие города; в особом павильоне была попытка отразить современный «здоровый город», но попытка неудачная, ибо проблеме «здорового города» старались разрешить всевозможные промышленные фирмы рекламой новейшей продукции; специальные проблемы гигиены и санитарии Германии отразила в ряде специальных павильонов, посвященных «Женщине в семье и профессии», «ребенок», «физическое развитие», «рабочая и профессиональная гигиена», «здоровая душевная жизнь», «климат», «жилище», «одежда», «питание», «сельское хозяйство»; был особый павильон: показательная «больница» (Krankenhaus)—однако и этот павильон был павильоном промышленных фирм и предприятий, специально занятых изготовкой лечебно-санитарного оборудования. Особый павильон был посвящен «немецкому социальному страхованию». Наконец, много места было предоставлено благотворительным и церковным организациям, частно-общественным Союзам и Обществам.

Словом, немцы при всем богатстве своих материалов экспонировали «по старому»: основной лозунг выставки «на показ и коммерческое соревнование»; наука под соусом промышленности или, наоборот, промышленность и ее интересы, как основной двигатель выставки, отсутствие четкого социального разреза, слабое выявление достижений в области здравоохранения широких масс в классовом разрезе, выпячивание роли религиозного и частно-общественного, филантропического начала—все это лежало яркой печатью на всей выставке, в частности на наиболее богатой немецкой ее части.

Мы, советские ученые и врачи, пытались взять от выставки что-либо жизненно-прикладное для наших целей, для приложения к здравоохранению в социалистическом разрезе, для нужд социалистического строительства. И в этом отношении выставка, к сожалению, дала нам очень мало; она еще и еще раз показала, что мы можем черпать очень много от санитарно-технической культуры Запада, ее достижений, от рационализации организационных форм здравоохранения, от ее специальных форм применения, но эта высокая культура ничего не может дать нам для приложения в социалистическом разрезе; мы идем совершенно новыми, новыми путями, именно в организационных формах, уже не говоря об иде-

логических путях. Так, мы ставили себе ряд специальных задач: проблема строительства социалистического города, обслуживание коллективного сельского хозяйства, а выставка нам дала в «здоровом городе» («gesunde Stadt») богатый показ промышленных достижений немецкой промышленности, а в отделе «Landwirtschaft» нам было показано образцовое немецкое «кулацкое хозяйство»; нас специально интересовал жилищный вопрос, а немцы в Отделе «Wohnung und Siedlung» показали нам ряд «дешевых» (понятно, с приложением проспектов строительных фирм) построек, индивидуальных квартир на 2, 3, 4 комнаты; тут же были экспонированы рабочие пригородные «хижины» с небольшими огородами—ныне широим кольцом окружающие все города Германии. Нас интересовали вопросы медобразования—этого вопроса выставка не коснулась; нас интересовала в частности история медицины—она была отражена интересно, но необычайно эпизодически, элементарно, популяризаторски.

Нам остается кратко охарактеризовать Советский павильон на Дрезденской выставке. Надо думать, что подробный отчет об этом павильоне будет дан в печати особо заведывавшим этим павильоном тов. д-ром И. Д. Страпуном.

Не подлежит сомнению, что наличие Советского павильона на Дрезденской выставке была политическим событием выставки, «революционным пятном» ее. Мы повторяем, что выставочное дело вообще в Европе нуждается в революционизировании. Если не могла этого сделать—даже почина—Германия, то это сделал Советский Союз и сделал решительно, смело, ярко. Советский павильон на выставке был истинно-революционным павильоном. Так его и воспринимала вся иностранная публика.

Начать с помещения и его оформления. Место, предоставленное русскому павильону, было очень хорошим: вблизи главного входа на выставку, русский павильон почти вачинал международный отдел. Архитектура всех выставочных зданий была необычайно трафаретна: фактически это был ряд вытянутых зданий сараевидного типа с необычайно скудным естественным освещением; экспонатам самим было предоставлено художественно оформлять помещения. Наш русский художник-архитектор справился со своей задачей великолепно. Архитектурно внутри помещение было оживлено устройством в части его второго яруса, где было размещено административное Бюро павильона и уютный зал-читальня, в котором на стильных столах была разбросана масса альбомно-фотографического и литературного материала; в основном зале было устроено великолепное кино, в котором в определенные часы отражалась новая жизнь, быт и строительство СССР (Турксиб и проч.); в эти часы обычно в павильоне была масса посетителей, которые, расположившись на уютных круглых стульчиках, с интересом изучали эти новые формы жизни и быта СССР. Художественное оформление павильона было проведено по всем частям и углам павильона: вместо царской скульптуры Сквирской 1911 года «Россия» павильон возглавляли величественные стилизованные две фигуры «Рабочего» и «Крестьянина»; при входе в павильон ярко бросалась в глаза (из блестящей серебристой жести) символика роста Советской страны от дикого кочевья к социалистическим высотам; тут же художественное выражение живой силы, строящей социализм: прозрачный глобус, внутри коего идет великая техническая стройка; вызывающая, жизнерадостная голова юного рабочего возглавляет земной шар; богатый фриз отражал живую смесь народов и национальностей строителей социализма. Символика удачно заполняла все части и отделы павильона: образно, четко, начертательно и динамично была отражена «пятiletка»; ярко, живо и жизнерадостно выглядел угол окматмлада и физического развития с веселой, улыбающейся фигурой пионера, как будто провозглашающего свой лозунг «будь готов!». Большое число строительных вышек, моделей, макетов—все это очень оживляло, разнообразило павильон; кроме того, значительное число экспонатов было конструировано динамически, движущимися; наконец, даже большой плоский потолок павильона был необычайно удачно, просто, остроумно, художественно декорирован оклейкой разнообразными красочными советскими плакатами и резко обращал на себя внимание своей красочностью; даже черносотенный белоэмигрантский «Руль» вынужден был одобрительно отметить «потолок» советского павильона в смысле его художественного оформления. Вообще, надо отметить, что если все павильоны выставки, часто при затрате больших средств на художественное убранство, поражали своей статичностью, холодностью, мертвенностью бесконечного числа картограмм, диаграмм, подчас-художественно исполненных,—Советский павильон резко отличался своей динамичностью, оживленностью.

Но самое основное, что выделяло Советский павильон на фоне Дрезденской выставки—это глубокая идейность замысла, плановость построения павильона и глубина социального разреза, проходившая по всем частям павильона; в этом смысле Советский павильон резко отличался от всех павильонов выставки. Надо признать, что подавляющее большинство иностранцев, посещавших Советский павильон, не понимало и не осваивало сущности символики, динамичности, идейности и плановости замыслов, но все посетители при первом, даже поверхностном взгляде на павильон и его экспонаты чувствовали, что они попали на «другую» выставку, резко отличную от Дрезденской; все чувствовали и понимали, что здесь нечто новое, иное—чего нет на всей выставке; они уходили, не поняв, не осознав, что это такое, но они понимали, что это какой-то новый мир—для них непонятный, чуждый, может быть враждебный, но новый, интересный, интригующий своей загадочностью.

Советский павильон был необычайно богат своим внутренним содержанием и количеством экспонатов; многое было даже эскизно, отрывочно, эпизодично, в широких мазках, как выражаются художники, но суммарно обилие материала подавляло посетителя; в этом по существу была и слабая сторона Советского павильона: затруднялась усвояемость выставленного материала. Это обуславливало и другую слабую сторону нашего павильона в организационном смысле: недостаток демонстраторов; такой павильон, при такой его идеологической структуре, при массе материала, совершенной новизне его—требовал большого кадра специально русских демонстраторов, хорошо знающих немецкий язык и советское здравоохранение; тогда только можно было рассчитывать на агитационный эффект павильона; эта часть организационно была безусловно дефектной по мотивам, видимо, материального порядка.

Но в общем, надо признать, что Советский павильон на Дрезденской выставке имел большой и заслуженный успех. Это признавали все, даже враги Советского Союза; это признавала и немецкая буржуазная печать.

В заключение надо отметить, что с Дрезденской выставкой было связано большое число (более 100) всяких съездов и конференций медицинского характера, однако, таковые были почти исключительно локального немецкого характера; только Гигиеническая комиссия Лиги Наций носила «международный» характер; все остальные были конференции немецкие, причем они группировались в 5 крупных разделах: научные по различным медицинским отраслям и специальностям, по социальному страхованию, по профессиональным организациям, по промышленно-торговым отраслям и смешанные (Verschiedenes). Словом, немцы мобилизовались к выставке очень широко.

Мы позволим себе закончить нашу краткую характеристику Дрезденской выставки нашей личной встречей в Берлине с Альбертом Эйнштейном, другом Советского Союза. Впервые мне пришлось встретиться с Эйнштейном в том же Берлине в сентябре 1923 года. В то время я находился в Германии, командированный Наркомздравом для мобилизации медицинской помощи Советскому Союзу со стороны научно-медицинского мира Европы по делу помощи страдавшим от голода в 1921—1922 году. Тогда Эйнштейн возглавлял одну из таких организаций («ОЗЕ» Об-во Здравоохранения евреев); он был почетным председателем этой организации, каковым он остается и до сих пор. Организации этой, в значительной мере именем Эйнштейна, удалось мобилизовать на помощь Советской России довольно крупную сумму средств. Осенью 1930 года эта организация имела свою очередную конференцию под председательством Эйнштейна; эту конференцию в качестве гостя я посетил, и здесь состоялась наша встреча. В длительной беседе Эйнштейн, естественно далекий от коммунизма, выявил истинным «другом» Советского Союза. Он сделал оценку происходящих событий в Советском Союзе. Его основная мысль заключалась в следующем: если человечество за последние десятилетия может гордиться величайшими завоеваниями в области науки, то в области социальной—человечество может отметить, как величайшее завоевание, идею социализма и коммунизма; героические усилия русского народа претворить эту идею в жизнь заслуживают живого сочувствия каждого культурного человека. Эйнштейн выявил громадный интерес к жизни Советского Союза. Зная, что я являюсь Казанским профессором, он специально интересовался жизнью Татарской Республики, жизнью Казанского университета; он знал о состоявшемся 125-ти летнем юбилее Универ-

ситета; он знал о Добачевском; он лично был знаком с профессором Гольдгаммером (физиком). Естественно, наша встреча и беседа с Альбертом Эйнштейном доставила нам большое моральное удовлетворение.

XI-й Всесоюзный съезд терапевтов.

Прив.-доц. Л. И. Виленского и М. И. Ойфебаха.

С 27/1—30/1 с. г. в Москве происходил XI Всесоюзный съезд терапевтов. Съезд собрался в момент исключительной важности. За месяц до него происходил объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), который дал лозунг на предстоящий решающий третий год 5-летки «завершить построение фундамента социалистической экономики СССР». «Создать экономическую базу социализма—это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов» (Сталин, Гиз 27 г., ст. 27—28).

Исключительно большие темпы соцстроительства, имевшие место за последние два года—создание крепкого социалистического сектора в деревне (колхозы и совхозы), индустриализация страны—вызвали необходимость срочной реконструкции работы органов здравоохранения в соответствии с директивами партии «о медобслуживании рабочих и крестьян». Основной задачей органов здравоохранения является борьба за выполнение промфинплана, за выполнение 5-летки в 4 года, что нашло свое отражение на Съезде в докладе Наркомздрава (т. Попов): «Задачи социалистической реконструкции медицинской науки и здравоохранения».

Органы здравоохранения должны фиксировать свое внимание на обслуживании рабочего класса, строящего социализм, интересы которого должны быть удовлетворены в первую очередь. Основная масса средств и кадров должны быть направлены в ту сторону, которая решает основные моменты социалистического строительства. Советское здравоохранение должно быть классовым, опираться на массы и вместе с ними участвовать в строительстве социализма и этим оно резко отличается от западно-европейского здравоохранения. Элемент профилактики присущ и капиталистической медицине и не профилактика, как многие думают, отделяет сов. медицину от буржуазной.

Основные звенья, на которые необходимо обратить серьезное внимание в нашей практической работе—это пункты первой помощи, которые являются первичными ячейками единого диспансера, борющиеся за снижение заболеваемости рабочих и тем самым за осуществление промфинплана. Необходимо расширение медицинской сети, стремясь к созданию закрытых лечебных заведений для рабочих ведущих отраслей промышленности; должна быть усилена работа по насаждению самминимума. Нужна мобилизация внутренних ресурсов, рационализация дела медпомощи, борьба с инфекциями, обеспечение сети квалифицированным медицинским персоналом; все мероприятия должны быть увязаны с выполнением промфинплана на предприятиях.

Наблюдающийся в буржуазной Европе кризис медицинской науки является результатом загнивания капитализма, следствием тех противоречий, которые кроются в умирающем капиталистическом обществе; и он отображает общий экономический и политический кризис, который переживают буржуазные страны в настоящее время. Классовая борьба имеет место и в медицинской науке, и мы должны уметь ее отличать.

Переневы зарубежных ученых (Ашоффа и др.) на советской почве (Плетнев) являются антисоциалистическими и должны получить резкий отпор. В научных изысканиях должен быть положен принцип плановости, тесно связанный с условиями реконструктивного периода. Самые отдаленные теоретические вопросы должны быть увязаны с нашими основными задачами; научная работа должна отражать в себе марксистско-ленинскую методологию и только она может направить науку на правильный путь.

После заслушания доклада т. Попова и прений по докладу, которые заняли одно заседание, на пленарных заседаниях Съезда были заслушаны программ-